

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

В.М. КУДРОВ

Советская модель экономики: тяжелое наследство

После падения "реального социализма" прошло уже немало времени, а серьезных и капитальных исследований нашего недавнего прошлого не хватает. Есть, правда, призывы разработать новую парадигму экономических знаний. Но как это сделать, не разобравшись со старой парадигмой и ценностями "реального социализма"? Чем скорее эта работа будет проделана, тем легче нам будет идти вперед. Переход к новой парадигме невозможен и без отказа от ошибочных теоретических конструкций и большевистской практики.

Советская система и советская модель экономики (СМЭ) созданы руками трех поколений российских большевиков. Практическое применение классической СМЭ (ее порой называют сталинской моделью) началось при В. Ленине в годы "военного коммунизма" и после известного перерыва, связанного с нэпом, продолжилось и завершилось И. Сталиным в годы индустриализации и коллективизации. Эта модель сохранилась вплоть до развала СССР в 1991 году. В течение более чем 70 лет она распространялась и на другие страны. Ее апробировали не только Китай, Куба, страны-члены СЭВ, но и многие развивающиеся страны (Эфиопия, Танзания, Никарагуа, Индонезия и др.). Поэтому важно понять, почему она не выдержала испытание временем и безо всякого кровопролития перестала существовать, закончила свою жизнь естественной смертью.

Большевики быстро ввели две вертикали управления экономикой (партийную и хозяйственную), которые заменили прежние традиционные горизонтальные товарно-денежные связи. Третья вертикаль вскоре дополнила первые две. Это — ВЧК, которая вела постоянные наблюдения за ходом экономических процессов в стране и железной рукой устраняла сохранявшиеся элементы товарно-денежных отношений. Цель заключалась в ликвидации рынка, замене его централизованным распределением продукции. Позднее был создан план ГОЭЛРО и на его основе Госплан СССР. План стал реальным заменителем рынка. К этому следует добавить введение государственной монополии на внешнюю торговлю в апреле 1918 года¹.

¹ Вот краткая история перехода нашей страны на нерыночную модель экономики: национализация земли (26 октября 1917 года); создание СНК (26 октября 1917 года); национализация всех промышленных предприятий с числом наемных работников свыше 5 человек (29 ноября 1917 года); национализация банков (декабрь 1917 года); создание ВСНХ (2 декабря 1917 года); создание ВЧК (20 декабря 1917 года); национализация внешней торговли (22 апреля 1918 года); план ГОЭЛРО (20 декабря 1920 года); Гохран (февраль 1922 года); Госплан (февраль 1922 года).

К у д р о в Валентин Михайлович - доктор экономических наук, профессор, руководитель центра междонародных экономических сопоставлений Института Европы РАН.

Столь решительная кавалерийская атака на капитал была предпринята большевиками в полном соответствии с учением Маркса и Энгельса о социализме как о плановой (научной!) нетоварной системе, где отсутствуют деньги и нормальный товарообмен, существует централизованное управление экономикой. Ленин любил сравнивать такую экономику с часовым механизмом, с четко работающей фабрикой или машиной. Он писал: "Превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом, - вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи" [1]. И еще: Социализм "есть построение централизованного хозяйства из центра" [2].

В результате введения "военного коммунизма" в экономике страны были быстро разрушены сложившиеся хозяйственные связи, возникла страшная дезорганизованность, процветали полная неразбериха и бесхозяйственность, появился дефицит всего и вся. Предприятия уже не отвечали за самоокупаемость, прибыль, все расходы они стали покрывать за счет бюджета. Крестьяне перестали продавать свою продукцию государству, в городах возник голод. В этих условиях и была введена продразверстка, в соответствии с которой в насильственном порядке у крестьян отбиралось продовольствие (оплата производилась по твердым ценам; отбирались не так называемые излишки, а почти все, что можно было отобрать). Так была установлена не диктатура пролетариата, а диктатура правящей прослойки большевиков. Буржуазия, интеллигенция и крестьяне подверглись жестоким репрессиям.

Результаты проводимой политики оказались впечатляющими: в 1920 году промышленное производство сократилось по сравнению с 1913 годом в 7 раз, в том числе группа "Б" - в 8 раз, производство хлеба и других сельскохозяйственных продуктов упало вдвое. Но в то же время методами мобилизации и чрезвычайщины были созданы жесткая централизованная авторитарная система управления и основы нерыночной модели экономики - СМЭ.

Основные черты советской модели экономики

После вынужденного непродолжительного отступления в период нэпа (Ленин тогда честно заявил о провале политики "военного коммунизма") большевики с конца 20-х годов вновь вернулись к этой модели, сделав ее классической. Правда, для повторного уничтожения рынка начиная с 1929 года - года "великого перелома" - надо было не только провести сталинскую индустриализацию и коллективизацию, но и осуществить невиданный в мире геноцид, уничтожив заодно и первое поколение большевиков. На смену "старым большевикам" пришли "новые большевики".

К концу 20-х годов в государственной собственности оказались крупная промышленность, весь транспорт, почти вся кредитная система, в частной собственности находились почти все сельское хозяйство, около трети промышленности (группа "Б"), значительная часть розничной торговли и незначительная часть кредитной системы (общества взаимного кредита). Рынок был заполнен товарами, производство росло быстрыми темпами, жизненный уровень населения был заметно выше, чем в довоенном 1913 году. В политической жизни страны шли острые дискуссии, активно проявляли себя как левый, так и правый уклоны (впоследствии на вопрос: "Какой уклон хуже?" Сталин ответил ставшей знаменитой фразой: "Оба хуже"). Все это не создавало гарантии для абсолютной авторитарной власти Сталина и его приспешников.

Поэтому волевым порядком был осуществлен перелом власти, возврат к методам "военного коммунизма", перестройки экономики страны на путях индустриализации и коллективизации. Для первого необходимо было резко усилить хозяйственную вертикаль власти, особенно Госплан, централизованное планирование, для второго - силовые структуры, в частности НКВД, способные насильственно загнать крестьян в колхозы и совхозы. И то и другое было не просто "шоковой терапией", а чудовищной

встряской страны и общества с главной целью - поставить их в полное подчинение, под полный контроль одного *хозяина-диктатора*. Как и в годы "военного коммунизма", использовались чрезвычайные военные и мобилизационные методы принуждения. Реальным собственником средств производства стала новая советская номенклатура, особенно высшие партийные и министерские чиновники, а также директора заводов. Они, по существу, и поделили между собой всю советскую экономику.

С самого начала планы носили директивный характер и содержали явно завышенные задания, которые и не могли быть выполнены. Однако сразу же была введена система постоянной фальсификации всей отчетности на базе так называемых сопоставимых цен 1926/27 года, включая практику приписок в "социалистическом соревновании". Все это позволяло постоянно "рапортовать" о достигнутых успехах. Объем отчетной продукции вздувался и за счет оценки новой продукции в ценах освоения, включения в итог потерь и других элементов. В целом темпы роста промышленного производства в 30-х годах превышали более чем в 2 раза, национального дохода - почти в 2 раза.

Критерием оценки стало не удовлетворение конкретного спроса, не оптимальное использование ресурсов, а выполнение и перевыполнение планов, точнее - мнение начальства на этот счет. Приоритет наращивания валовой продукции, ее количества, темпов роста вообще, т.е. экстенсивного типа производства, насаждался сверху, всячески поощрялись и поддерживались стахановские, изотовские и иные движения рекордсменов. Им создавались тепличные условия, чтобы потом объявить их примером или образцом для подражания.

Особую поддержку получила тяжелая промышленность. Более 90% промышленных капиталовложений направлялось в группу "А", ее доля стала быстро расти. При этом строились предприятия не оптимальных, а прежде всего крупных и даже гигантских размеров. Многие из них были плохо управляемыми нерыночными монстрами, но зато их было легче держать под контролем из центра².

Из ранней работы Ленина был извлечен "закон преимущественного роста производства средств производства", согласно которому везде и всегда темпы роста производства машин и сырья должны обгонять темпы роста производства предметов потребления. Для Сталина сталь поэтому стала конечным и приоритетным продуктом, а хлеб - промежуточным и не столь уж важным. Личное потребление населения, вся социальная сфера общества существовали и развивались исключительно по остаточному принципу финансирования.

Прибыль, рыночные отношения спроса и предложения рассматривались как пережитки капитализма. Цены на продукцию устанавливались административным путем, причем искусственно занижались цены на продукцию именно тяжелой промышленности для стимулирования спроса на нее. В результате возник дефицит товаров народного потребления, и уже в 1929 году были введены карточки на ряд продуктов. Люди вынуждены были покупать не то, что им нужно, а то, что есть в продаже. Широкомасштабная индустриализация вызвала невиданный приток малоквалифицированной рабочей силы из села в город, в промышленность. Качество выпускаемой продукции не шло ни в какое сравнение с конкурентоспособной продукцией в странах с рыночной экономикой³.

² В то время говорилось, например, так: "Определяющим всю политику капитального строительства все больше становятся гигантские предприятия, по размерам и техническому уровню опережающие крупнейшие предприятия промышленности капиталистической Европы и Америки" [3].

³ Тем не менее, выступая в 1933 году по итогам первой пятилетки, Сталин говорил: "Итоги показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности. неразрешимые для капитализма, это советская система хозяйства" [4]. Любопытно, что примерно такой же оценки в начале 30-х годов придерживался и Л. Троцкий, который писал об агонизирующем и гниющем капитализме и об успехах экономики СССР [5].

А на селе развернулась гигантская по своему размаху насильственная коллективизация 25 млн крестьянских хозяйств. Но поскольку крестьяне оказали сопротивление, против них были использованы помимо общего административного давления два рычага прямого геноцида: раскулачивание и искусственная организация голода в 1932 году. Создание социалистических государственных латифундий в сельском хозяйстве фазу же гарантировало снабжение хлебом государства (в самих колхозах оплата труда до 1966 года производилась в натуре, т.е. в трудовых). Заработали планы заготовок сельхозпродуктов (ностальгическое воспоминание о продрозверстке) и радостные рапорты об их выполнении и перевыполнении. В процессе раскулачивания было изгнано на поселение ("лишенцы") или отправлено в ГУЛАГ ("зэки") не менее 5 млн самых работающих и квалифицированных крестьян. Вместе с акциями по организации голода это привело к гибели примерно 10 млн человек при вполне достаточном урожае и значительном экспорте зерна.

Сталин сосредоточил в своих руках абсолютную власть и мог распоряжаться всеми ресурсами великой страны и ее народом. Как пишет Р. Медведев, "на протяжении последних пятнадцати лет своей жизни Сталин обладал такой властью, какой не обладал ни один из русских царей и ни один из диктаторов последнего тысячелетия" [6].

Одним из удивительных феноменов его власти было формирование в стране особого мифологизированного, или религиозного, общественного сознания. Восприятие действительности как бы пропускалось через специальную призму и укладывалось в головы большинства людей в искаженном виде, кстати, очень выгодном для власти предрежащих. Такие люди не только строили социализированное общество, но и сами оказывались социализированными инструментами этого строительства.

Индустриализация и коллективизация привели к запланированному расширению государственной собственности, социализации экономики, дали в руки руководства страны невиданные доселе ресурсы. Эта гигантская концентрация власти в одних руках дополнялась важным элементом - террором. НКВД имело свои ячейки или своих представителей во всех управленческих структурах, во всех более или менее значимых субъектах общественной жизни страны, осуществляя тотальную слежку за людьми. В концлагерях и тюрьмах за годы советской власти погибло не менее 20 млн человек. Так осуществлялась социальная профилактика для построения нового общества.

Тем не менее производство в стране росло, жизненный уровень населения после снижения в начале 30-х годов также стал повышаться и перед войной плановая система обеспечивала довольно сносную реальную зарплату, сносный (без излишков и экстравагантностей) товарный набор для семьи, что вместе с отсутствием безработицы, почти бесплатным образованием и медицинским обслуживанием создавало у многих впечатление достигнутого достатка и чувство удовлетворения.

С первого шага СМЭ заработала не только как модель экстенсивного экономического роста, но и как классическая модель ресурсопожирания. Она, как мох, требовала все больше и больше рабочей силы, земли, сырья, основных фондов, капиталовложений, денег, наконец. Началось все со строительства крупных и даже гигантских предприятий, расширения промышленности на Восток. Затем настала очередь освоения целины, но кончилось все массивированным импортом зерна и огромным заимствованием средств у Запада.

Для своего существования СМЭ требовала опережающих темпов роста капиталовложений и основных фондов. В результате всегда росли капитал- и фондоемкость производства, I подразделение общественного производства обгоняло в своем развитии II подразделение. Большую часть экономической истории СССР норма накопления росла и достигала 40% национального дохода страны, чего не было и не могло быть в западном мире. Материалоемкость производства была столь высока, что любые сравнения со странами с рыночной экономикой оказывались попросту одиозными. Так, по расчетам Института мировой экономики и международных

отношений АН СССР даже в 80-х годах СССР потреблял сырья и энергии в расчете на единицу конечной продукции в 1,6-2,1 раза больше, чем США. Производственный аппарат страны рос количественно, но насыщался низкопроизводительными станками и быстро устаревал. Это вело к снижению его производительности в расчете на единицу станочного парка или выпуска продукции.

В начале 60-х годов еще сохранялась эйфория по поводу возможностей в области НТО, но затем эффективность НТО в СССР стала постоянно снижаться, что начало отражаться даже на техническом уровне военной техники. Сельское хозяйство, которое в 30-е годы официально считалось чуть ли не самым механизированным и передовым в мире, оказалось в принципе неспособным прокормить свой народ. Начался растущий импорт зерна (в обмен на растущий экспорт нефти и газа), достигший к середине 80-х годов 44 млн т в год. Крупные заимствования при М. Горбачеве довели внешний долг страны до 80 млрд долл. Экономическая система СССР достигла своей полной несостоятельности и развалилась.

Таким образом, созданную СМЭ можно определить как модель нерыночной, командно-административной экономики, экономики тоталитарного государства со сверхцентрализованным управлением сверху вниз, заменившим собой традиционные горизонтальные рыночные связи. СМЭ включает в себя следующие элементы:

- однопартийную систему с полным контролем со стороны партийных органов всех сторон экономической и социальной жизни;
- государственную собственность на средства производства;
- централизованное управление и планирование экономики;
- наличие правящей номенклатуры - чиновников особого типа, преданных идее и вышестоящему начальству;
- строгое следование государственной идеологии, широкую пропаганду "преимуществ и успехов" реального социализма;
- изоляцию от всего мира, внешнюю торговлю на базе государственной монополии.

Нормальное развитие общества и экономики в таких условиях невозможно. СМЭ, естественно, оказалась тупиковой, не содержащей внутренних стимулов, или двигателей развития, и ее крах был предопределен.

Три упоминавшиеся иерархии вертикального централизованного управления были тесно взаимосвязаны. При этом органы безопасности на деле стали "цепным псом" руководителей и номенклатуры, следили за тем, что думает и говорит народ, преследовали людей не только за их убеждения, но и просто за неосторожно оброненное слово. По существу, шел процесс "кегебизации" всей страны. Это низшая форма социальной организации общества, для которой самое страшное - нормальная человеческая жизнь в условиях гласности, реального осуществления прав человека.

Следствием такой экономической модели стали снижение трудовой мотивации, хищническое отношение к "ничьей" собственности, развитие теневой экономики, отсутствие органического НТП, растущая зависимость от западных технических новшеств, перенакопление экономики излишками ресурсов труда, капитала и материалов, рост дефицита и т.д. Но самое страшное - порча людей, которых такая система делала несамостоятельными, отучала их думать и анализировать, приучала к послушанию и даже холопству, к постоянному ожиданию команды, к безответственности и безынициативности. Наоборот, начальники, занимаясь "общим руководством", сплошь и рядом теряли профессионализм, при этом умело приспосабливаясь к выживанию. Номенклатура со временем все больше отходила от утопических целей, полаганий ("догнать Америку", построить коммунизм к 1980 году и т.д.) и все больше сосредоточивалась исключительно на собственных интересах. Созданная Сталиным СМЭ ее вполне устраивала.

Апогеем демонстрации "преимуществ" сталинской модели экономики стал период брежневизма или застоя (1964-1982), когда заложенные в ней принципы и административные механизмы начали давать те реальные результаты, которые рано или

поздно они и должны были дать. Это - отторжение всех попыток реальных рыночных реформ и перехода к интенсификации производства, превращение власти как в центре, так и на местах в узкие группы "единомышленников", неостановимое снижение эффективности производства, темпов его роста, нарастание социального недовольства и зависимости от помощи Запада.

Процесс неизбежного угасания реального социализма был несколько замедлен открытием огромных запасов нефти и газа, начавшимся в 70-х годах их массивным экспортом. Но и этот фактор не смог преодолеть мощных внутренних сил распада системы. Ситуация все ухудшалась. В 1982 году производительность труда в народном хозяйстве была на треть ниже, чем в среднем в 1966-1976 годы, среднегодовой прирост ВВП в 1975-1985 годах составлял лишь половину его прироста в 1960-1975 годах, эффективность производства (факторная производительность) в 1981-1985 годах также была равна 50% от уровня 1975-1980 годов [7]. Уже с конца 70-х годов по реальному счету началось снижение объемов производимого ВВП, которое продолжается практически 20 лет вплоть до наших дней. Казалось, что страна совсем утратила силы и способности к развитию. Но советская экономическая наука и особенно партийная пропаганда по-прежнему описывали успехи и преимущества социализма и как общественной системы, и как экономической модели⁴.

Я убежден, что СМЭ умерла естественной смертью, выработав свой ресурс и проявив полную неэффективность. Она могла принести эффект в условиях короткого периода мирного времени для решения конкретных, часто больших задач с использованием чрезвычайных и мобилизационных методов. Она могла приносить эффект в условиях военного времени, когда требовалось собрать в один кулак все необходимые ресурсы и силы. Но в нормальных условиях она просто не выдерживала никакого сравнения с рыночной моделью [9]. Все, что у нас происходило после октябрьского переворота 1917 года, находилось в стороне от главной дороги развития мировой цивилизации. Мы сами загнали себя в тупик, в изоляцию от этой цивилизации, изобрели нечто такое, что не прижилось в мире и было разрушено у нас самих. Марксизм-ленинизм тоже оказался на обочине развития мировой науки. И сегодня остро стоит вопрос о возврате страны и общества на круги своя. Мы должны действовать по нормам, стандартам и правилам, принятым в цивилизованном мире, широко взаимодействовать с этим миром и не стремиться к якобы спасительной самоизоляции или, что еще хуже, к частичному возврату в прошлое. Путь назад - путь в исторический и экономический тупик.

Советская модель экономики и советская экономическая наука

В СССР общественные науки в целом и экономическая наука в частности, особенно политэкономия социализма, как уже говорилось, официально считались партийными науками. Партийные решения, в частности те, которые принесли много горя стране, готовились при непосредственном участии обществоведов. Однако среди советских экономистов все же не было таких одиозных и мрачных фигур, каким, например, был в биологии академик Т. Лысенко. Но эффект квазинауки, т.е. эффект ненауки, "лысенковщины", как и эффект неэкономики, неплана и нестатистики, в советские времена, безусловно, имел место.

Советская экономическая наука стала формироваться еще в 20-х годах, когда публиковались экономические работы Ленина, Троцкого, Бухарина и других руководителей ВКП(б) и проходила острейшая дискуссия между "генетиками" - сторонниками умеренных темпов экономического роста и накопления, пропорциональности и

⁴ Несколько лет спустя академик С. Шаталин честно скажет, что "многие наши представления о социалистической экономике, ее неотъемлемых чертах были попросту ложными. Их следует пересмотреть" [8].

сбалансированности развития народного хозяйства СССР, опоры в сельском хозяйстве на трудовое единоличное крестьянство (Н. Кондратьев, В. Базаров, В. Громан, А. Вайнштейн и др.) и "теологами" - сторонниками ВКП(б), сталинских методов руководства экономикой, усиления централизованного планирования, субъективных директивных указополаганий "сверху" (Н. Вознесенский, С. Струмилин, А. Боярский и др.). Победили, естественно, последние. В 30-х годах их победа была закреплена нашумевшим "делом" вокруг "кондратьевщины", когда лучшие представители российской экономической науки были объявлены вредителями и врагами народа, а затем расстреляны или заключены в ГУЛАГ. Экономисты - сторонники сталинской линии враждебно критиковали Кондратьева и его сторонников, практически предали своих более одаренных коллег, отдав их на закание, предварительно приклеив политические ярлыки.

В процессе этой "классовой борьбы" среди ученых-экономистов и формировалась советская экономическая наука. Наследство, доставшееся нам в результате этой борьбы, оказалось более чем непростым. Оно нуждается в действительно научном анализе, в привлечении для этой цели свежих сил и многочисленных умов нынешних российских экономистов⁵.

Целесообразно разделить советскую экономическую науку на прикладную и теоретическую. Истинно научный элемент был присущ, естественно, первой. При анализе конкретных прикладных вопросов, скажем, оценки эффективности тех или иных затрат на единицу выпуска продукции, производительности тех или иных машин или новой техники, сопоставлении технико-экономических показателей СССР и других стран, многие наши экономисты проявляли вполне трезвый профессионализм. Их сила была не столько в этом, сколько в том, что они не претендовали на опасные обобщения, способные посеять сомнения в эффективности функционирования советской экономики в целом. Примеров можно привести множество.

Так, лауреат Нобелевской премии академик Л. Канторович проводил ценные исследования в области оптимизации производства и программирования с использованием математических методов [10]. Широкое признание имели работы профессора Н. Новожилова, посвященные измерению затрат и результатов производства [11]. Их труды стали достоянием не только отечественной, но и мировой экономической науки.

Высоким уровнем научного анализа отличались исследования академика В. Трапезникова в области экономики научно-технического прогресса. Не менее интересными были и работы Т. Хачатурова, В. Красовского и В. Фальцмана по капитальным вложениям. Но особо хотелось бы отметить подвижническую деятельность академиков Е. Варги и В. Немчинова. Варга выступал с идеями об усиливающейся роли государственного регулирования при капитализме, чем вызвал гнев самого Сталина. Впоследствии Варга высказался против партийной версии о неизбежности войны между империалистическими странами и подверг критике ряд антинаучных положений последней "теоретической" работы Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР" [12]. Немчинов выступал за внедрение рыночных элементов в плановую систему (конкуренция за госзаказы, оптовая торговля средствами производства), хотя и предлагал создать "теорию плановых цен". Он прекрасно проявил себя также и как принципиальный противник Лысенко.

Можно привести и другие примеры достойного поведения и добросовестного отстаивания вполне разумных позиций, не умещавшихся в рамках догматических представлений политэкономии социализма. Так, скромный экономист из Института экономики АН СССР Д. Палтерович писал в 1985 году: "Не слишком ли богаты сейчас предприятия оборудованием, если на многих из них, заходя в цеха даже в

⁵ Изданная недавно серия "Всемирная история экономической мысли" (М., 1997), в частности т. 6 (кн. I и 2), пока не решает этой задачи. В данном издании авторы сохраняют свой былой пиетет перед Сталиным, ленинской практикой перехода от капитализма к социализму, политической экономией социализма, "научным" социализмом Маркса и Энгельса и централизованным планированием в бывшем СССР.

первую смену, можно увидеть половину, а то и больше бездействующих машин? И не лучше ли уменьшить ресурсы, выделяемые на производство, скажем, традиционных станков в 1,5-2 раза, высвободив тем самым мощности машиностроения для освоения новой, высокопроизводительной или более дефицитной техники?" [13].

Свой путь совершенствования социализма и СМЭ предлагали такие "рыночники" или "товарники", как Е. Либерман, Г. Лисичкин и А. Бирман. Либерман не предлагал ввести в стране рыночные отношения или сделать прибыль главным показателем плана. Он считал разумным повысить роль прибыли, рентабельности и премий в системе централизованного планирования. Его статья "План, прибыль и премия", опубликованная в "Правде" в 1962 году, вызвала не только широкую и открытую дискуссию, но и во многом определила первую косыгинскую реформу 1965 года.

Конечно, эти исследования проводились не в русле отрицания социализма и присущей ему СМЭ и системы централизованного планирования, а в русле их совершенствования. Никто из "рыночников" ни слова не сказал о принципиальной порочности планового во всех мелочах хозяйства, руководимого из одного всевидящего центра, о необходимости восстановления института частной собственности, товарно-денежных отношений и органически присущего им механизма конкуренции.

Другой срез частично плодотворных научных идей - закрытые докладные записки "наверх", которые в 60-80-х годах готовили практически все исследовательские институты. Надо сказать, что дело это было довольно престижным. В записках можно было позволить значительно больше правды, чем в открытой печати. Это отнюдь не означало, что высказанные соображения будут учтены в руководящих инстанциях, если они не очень соответствуют принятым там взглядам на развитие экономики страны. Но те экономисты, которые регулярно писали такие записки, в своих институтах котировались довольно высоко. Они порой считались прогрессистами, сторонниками давно назревших реформ, которые консервативные руководители не желают проводить. Многие из таких авторов были "невыездными": их на всякий случай не выпускали за границу.

Среди "запискописателей" было много экономистов-международников, международников-политологов и историков, работавших в институтах АН СССР. Иной раз ими ставились острые по тем временам вопросы об отставании СССР от Запада по эффективности производства, НТП, давались предложения по военным вопросам, по отношениям со странами СЭВ и с коммунистическими партиями других стран. Не все "запискописатели" защищали при этом интересы своей страны, многие из них подлаживались под уже намечающиеся к принятию "наверху" ставшие потом роковыми решения. Ученые академики - члены ЦК и просто к нему приближенные - нередко заранее знали о таких наметках и скорее всего выполняли поручения по их обоснованию и поддержке.

Совсем иной характер носили в большинстве своем так называемые исследования многих советских экономистов-теоретиков, экономистов, занимавшихся макроэкономическими проблемами СССР. Их "труды" напрямую подпирали СМЭ, стратегическую линию партии на укрепление существующего строя, марксистско-ленинской идеологии. В этом качестве они были не только оружием партии, но и питательной средой, обслуживающей интересы реального социализма, его претензии на высшую эффективность и даже на мировое господство.

Здесь прежде всего придется вспомнить преподавателей-экономистов, работавших в партийных вузах (Академия общественных наук при ЦК КПСС и Высшая партийная школа при ЦК КПСС, партийные школы в союзных республиках) и на экономическом факультете МГУ. Все они готовили руководящие кадры и партийных идеологов (а точнее, портили мозги). Чего, например, стоит такая "наука", как политическая экономия социализма, которая была обязательным предметом для изучения во всех вузах страны?

Известным учебником по политэкономии социализма был учебник под редакцией Н. Цаголова, подготовленный на экономическом факультете МГУ и претендовавший

на своего рода теоретический монумент типа "Капитала". Провозглашая коренные преимущества социализма над капитализмом, авторы этого фундаментального по своему предназначению труда пишут: "При планомерной организации производства в масштабе всего народного хозяйства на основе единого централизованного плана в интересах всех членов общества, т.е. при социализме, общественный процесс производства выступает как процесс функционирования единого общественного хозяйства, *процесс хозяйствования общества в целом...* Непосредственно общественные, на основе и в рамках единого общественного плана, а не рыночные, стихийно формирующиеся отношения, связывают отдельные производственные звенья в единый процесс социалистического производства" [14].

Когда люди так думают, то объективно они загоняют экономику в состояние полного паралича, ибо уже нет места никакой мотивации к труду и производству, рыночные отношения полностью исключаются, а командный механизм хозяйствования и экстенсивный характер развития чуть ли не увековечиваются. Студенты, изучавшие этот курс, всегда преодолевали внутреннее неприятие нарочитой искусственности псевдонаучных формулировок, претензии на открытие якобы нового, вечного.

В другой теоретической работе, изданной несколько позже, говорилось, что "социалистическое общество, вступив в зрелый этап своего развития, уверенно движется по пути экономического и социального прогресса... При социализме элементы саморегулирования включаются в единый механизм планомерного управления как единая, целостная система, отсутствие элементов саморегулирования можно компенсировать административной централизацией" [15]. Данная оценка интересна тем, что ее автор все же понимал коренной порок СМЭ, заключающийся в отсутствии саморегулирования, но не критиковал его, а предлагал лечить раковую опухоль аспирином или массажем и, по существу, уводил от реальных проблем. Но тем не менее все это говорилось в те годы, когда советская экономика уже стала деградировать, экономический рост практически прекратился, дефицит продукции достиг непомерных размеров, социальное недовольство нарастало, страна импортировала огромное количество зерна и настроения бесперспективности и безысходности были уже широко распространены в обществе. Более того, в те годы кое-кто из нас начал понимать, что советская экономическая система обречена.

Вместе с тем уже в 60-70-е годы многие советские экономисты-теоретики стали говорить о том, что товарные отношения (которые в 30-е годы рассматривались как рудиментарные исчезающие "родимые пятна капитализма") органически присущи зрелому социализму. Это, конечно, не так. Реальный социализм имел реальные товарно-денежные отношения только на колхозных рынках и в теневом секторе экономики. В государственном секторе (а это 99% экономики) их не было и не могло быть. Советская экономика не имела не только реального рынка товаров и услуг, не было рынков труда и капитала, не было коммерческих банков и кредита, не было даже элементарной рыночной инфраструктуры и свободы выбора у потребителя.

Многие советские политэкономы были убеждены, что в конечном счете товарно-денежные отношения по мере развития социализма со временем сами отомрут или "будут преодолены" и экономика страны окончательно войдет в виртуальную жизнь искусственных правил, норм и указаний "сверху" в жестких рамках централизованного планирования. Забавно сегодня читать прошлые "концепции", "теории", "открытия" и т.д., рожденные в искусственной среде социалистической псевдоэкономики, в искусственном мире "диктатуры пролетариата" и в адекватной ему "науке", оторванной от магистрального пути мирового развития.

"Теоретики" политэкономии социализма любили к тому же упражняться в схоластических рассуждениях о "новом содержании" товарно-денежных отношений при социализме, об "основном" и "исходном" производственном отношении при социализме, о "производительности труда" и "производительной силе труда", о "производительности общественного труда" и "общественной производительности труда", о

методологии основного экономического закона и т.д. Они раскладывали карточный пасьянс из придуманных ими якобы объективных "законов" социализма. Тузом был "основной экономический закон", королем - "закон планомерного и пропорционального развития", дамой - "закон неуклонного роста производительности труда" и т.д. А в целом "политэкономия социализма" в связи с прогрессирующим упадком и кризисом этой системы все более утрачивала свое значение и уходила в небытие, не выдержав испытание временем.

Экономисты-математики предложили искусственный заменитель рынка - систему оптимального функционирования экономики (СОФЭ), где нормальные равновесные цены предлагалось заменить на искусственно рассчитанные, так сказать, математические цены. Спор шел не о плане и рынке, о том, как их совместить, а только о плане, о том, как заменить устаревшую госплановскую систему и сложившуюся систему административного ценообразования на еще более жесткие, искусственные, виртуальные, но якобы "онаученные" с помощью математики. Но, как пишет Я. Корнай, "даже самая современная компьютерная техника оказывается не в состоянии рассчитать миллион переменных величин в народном хозяйстве. Единственным "компьютером", способным сделать это, является рынок. А надежды заменить рынок математикой и компьютерами оказались на грани провала" [16].

"СОФЭисты", так же как и теоретики-политэкономы, претендовали на открытие новой экономической концепции социализма, альтернативной рыночной, на научную трактовку экономических законов социализма как передовой по сравнению с капитализмом общественной формации, на нахождение ее социально-экономического оптимума. Они выступали против товарных отношений, которые считали несовместимыми с централизованным планированием, за наивысшую эффективность, которая достигается на основе оптимального плана, разработанного на основе соизмерения затрат и результатов, отбора его оптимального варианта⁶. Никто из экономистов-математиков ни словом не обмолвился о преднамеренном искажении действительности советской официальной статистикой, которую они использовали в своих моделях.

Особо следует сказать об ученых-международниках, в среде которых сформировались два течения - прогрессивное и консервативное. Ученые первой группы говорили об изъянах советской экономики, не способной "догнать и перегнать" Запад по НТП и жизненному уровню населения, о новых явлениях в экономике капитализма. В ИМЭМО АН СССР - это Е. Громов, Я. Певзнер и др. Ученые второй группы предпочитали рассуждать о проблемах и противоречиях капитализма, о его общем кризисе, загнивании и бесперспективности развития и, естественно, и преимуществах социализма (А. Кац, В. Аболтин, И. Гурьев и др.). Директора международных институтов держали у себя тех и других, манипулируя их записками и иными трудами в зависимости от политической ориентации того или иного вышестоящего партийного босса.

В целом же в советской общественной науке сформировалась группа партийных академиков, директоров исследовательских институтов, порою членов ЦК, обслуживающих руководство страны без особого риска. Скорее, во благо самим себе. Они работали на реальный социализм, не хотели и не предвидели его развала.

Хотя большинство советских экономистов приспособлялось к обслуживанию и поддержке СМЭ, тоталитарного режима и его идеологии, это не значит, что не было одиозных и неприемлемых для режима исключений. Как свидетельствует академик Н. Федоренко, в 1967 году в ЦЭМИ АН СССР был составлен прогноз развития народного хозяйства СССР на 70-80-е годы под руководством молодого и талантливого ученого Б. Михалевского. Он принципиально расходился с официальными планавыми наметками, партийной пропагандой и утверждениями о "светлых перспективах" советской экономики, неизбежном углублении противоречий капитализма и его

⁶ Один из видных сторонников СОФЭ Н. Шухов писал, что "социализм и товарное хозяйство - две диаметрально противоположные социально-экономические системы, которые в принципе несовместимы" [17].

общего кризиса. В разработке обосновывалась бесперспективность развития ряда отраслей, предсказывались неизбежный спад промышленного производства, падение Жизненного уровня населения, снижение эффективности производства и капвложений, нарастание международной изоляции СССР и т.д. (Вспомним, что такой же прогноз в 20-х годах перед началом индустриализации в СССР делал В. Базаров.) Это был научный прогноз реальной ситуации, который подтвердился жизнью. Михалевский готов был обсуждать и защищать свои выводы в любой инстанции. Но его работу сначала просто дезавуировали, а затем она была сожжена президентом АН СССР М. Келдышем и директором ЦЭМИ Н. Федоренко как "антипартийный и антисоветский документик" (слова председателя Госплана СССР Н. Байбакова). Возможно, что и скорая трагическая смерть Михалевского во время байдарочного речного похода была не случайной [18].

Глубокого уважения заслуживает и позиция известного советского (ныне российского) социолога академика Т. Заславской, которая в те годы, работая в Новосибирске, смело выступала с критикой советской экономики. Она и сейчас справедливо требует сделать намного больше, чем уже сделано российскими реформаторами по уходу от советского прошлого. Перечисляя важные, но не реализованные шаги, она пишет: "Так, КПСС не объявлена преступной организацией, не произошло ее покаяния и очищения. Не достигнут необходимый баланс прав и ответственности трех ветвей власти" [19]. Она решительно отмечает какую-либо целесообразность хотя бы частичного возврата в прошлое.

Однако в целом советская экономическая наука не смогла и не захотела создать действительно научную основу для своевременного и радикального изменения СМЭ, перехода к рыночной экономике и становления на путь интенсификации производства с широким использованием имеющегося научно-технического потенциала страны. Более того, ее социалистические заблуждения не канули в прошлое и поныне. Многие ее представители и сейчас не только занимают ответственные посты в науке, госаппарате и политических движениях России, но и открыто призывают к возврату в прошлое, хотя бы в рыночный социализм, яростно критикуя не всегда удачную деятельность российских реформаторов. Достаточно определенно высказался по этому поводу, например, академик О. Богомолв: "...перспективна не либеральная рыночная трансформация, порождающая законы джунглей, а социальная. Исследования показали, что в переходный период наибольший эффект способна обеспечить экономика, которую можно было бы назвать рыночным социализмом или экономикой смешанного типа" [20].

Здесь возникают сразу два вопроса. Во-первых, что это за исследования? Мне они не известны (если, конечно, не считать "исследований" таких марксистов, как А. Сергеев и Б. Хорев [21]). Разве не ясно, что все попытки рыночных реформ в бывшем СССР (Хрущева, Косыгина, Горбачева) были направлены на формирование экономики "рыночного социализма" (очередной термидор после ленинско-сталинской революции по созданию СМЭ), которая ничего не дала нашей стране? Однако Богомолв не одинок. Ему вторит, например, А. Бутенко: «Рыночный социализм - это реальный путь выхода бывших стран "реального социализма" из тупика, обусловленного преждевременным упразднением рынка, и возвращения их на путь естественноисторического продвижения к социализму» [22].

Сергеев убежден, что "России неизбежно предстоит еще раз пройти через переходный период от капитализма к социализму. Этот период будет иметь ту особенность, что в стране имеются многочисленные кадры экономистов и управленцев, прошедших школы социалистического хозяйствования... Это создаст возможность его меньшей продолжительности по сравнению с первым переходным периодом..." [21, с. 626]. Хорев пишет, что "экономика должна быть рассчитана не на человека с деньгами, а на все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей всех членов общества, как это было при социализме" [21, с. 637]. Не менее консервативна и позиция ученых-неэкономистов из Сибирского отделения РАН: «Вместо того,

чтобы повести за собой все общество в проведении демократических реформ, наполнить реальным практическим смыслом и заставить работать демократическую формулу "Вся власть Советам!", государство и политическое руководство стали заложниками силовой коифронтационной идеологии и отживших свое неолиберальных концепций. Разрушив старую властную вертикаль, которая пользовалась доверием широких масс, но нуждалась в демократической модернизации, реформаторы второй волны оказались неспособными заменить ее новой, более эффективной» [23].

Идея полного возврата к социализму, который у нас был и от которого мы отказались, равно как и идея возврата к рыночному социализму, который был в Венгрии, Югославии и Польше и от которого эти страны тоже отказались, - непродуктивная идея, попытка искусственно совместить пламя и лед. Как справедливо пишет Н. Плискевич, «возвращение иллюзий "рыночного социализма" сегодня представляется особо опасным, тем более, что эти иллюзии живы у достаточно массовых слоев населения. Но у страны просто нет ни времени, ни ресурса прочности для новой попытки соединения несоединимого» [24].

Академик Ю. Яременко считал, что в процессе нынешнего реформирования российской экономики "надо было, конечно, отправиться от той системы, какая была, устроить ее деформирующие элементы... А уж потом или одновременно с этим, когда мы создали бы некую рациональную плановую систему, можно было бы в этой системе развивать какие-то механизмы самодействия. Это был бы некий эволюционный путь... Необходимо рационально понять, что, не восстановив некоторых старых институтов, адекватных существенным характеристикам нашей экономики, наше хозяйство как некий единый экономический организм просто не выживет... В такой экономике полноценного денежного хозяйства быть не может" [25].

Итак, России не нужна смешанная рыночная экономика с конкуренцией и развитым предпринимательством. О частной собственности речь не идет, зато нужны Госплан и централизованное планирование. Вообще призыв к частичному возврату в прошлое в условиях, когда рынок еще незрел, не сформирован, а экономика лежит на дне кризиса, вполне понятен. Странно другое: почему советская экономическая наука не поняла самой сути советской принудительно-плановой, нерыночной, а потому и бесперспективной экономики; почему она и сегодня не хочет понять суть экономики рыночной и поддержать рациональные пути движения к ней?

Группа академиков-экономистов (Абалкин, Богомолов, Петраков, Яременко) еще в 1994 году выступила против существующей ситуации на российском рынке и предложила нечто очень знакомое: чтобы государство разработало "общие правила ценообразования и утвердило соответствующие нормативные акты, касающиеся единого для всех хозяйственных субъектов порядка исчисления издержек производства, уровня рентабельности, распределения прибыли в соответствии с принятыми налоговыми правилами и ставками" [26, с. 253]. И далее говорится о необходимости "управления движением цен", государственной поддержке колхозов и совхозов, установлении государственной закупочной цены [26, с. 257, 258]. В 1998 году, в дни тяжелого финансового кризиса наши академики выступили с популистской программой частичного восстановления "социалистических ценностей" и представили ее в правительство Е. Примакова.

Но наиболее яростное "обоснование" необходимости возврата к прошлому высказал недавно академик Академии экономических наук и предпринимательской деятельности России (АЭНПДР) В. Симчера. В социализме, созданном в СССР, он видит "орудие позитивного созидательного строительства". Сталина характеризует как деятеля, возглавившего движение по "использованию идей коммунизма (1932 г.) в интересах возрождения нашей страны, воссоздания мощного и независимого государства" [27]. В своей книге, написанной в соавторстве с В. Жириновским, он призывает "вновь вернуться к планированию", приостановить приватизацию и вернуть стратегически важные отрасли народного хозяйства в собственность государства, прекратить насильственную ломку вертикальных структур в сельском хозяйстве,

ориентацию на мировые цены, изменить характер внешнеэкономических связей, опираться во внутренней политике на национализм и т.д. [28, с. 4-6, 8, 25].

Настоящему ученому, экономисту-рыночнику все это вряд ли может присниться даже в страшном сне, но приходится признать, что инерция старого мышления и советского "воспитания" живет и еще сильна. Правда состоит в том, что не только отдельные советские экономисты, но и целые организации, увы, еще и сейчас подпитывают своими идеями оппозицию нынешним реформам - КПРФ, ЛДПР и иные коммуно-националистические течения. К сожалению, еще никто не подсчитал гигантские потери страны от деятельности подобной оппозиции, от инерции просоветских настроений и "ценностей".

Что же предлагают Жириновский и Симчера, чтобы остановить, по их словам, наше сегодняшнее "движение к пропасти"? Возврат к казарменному режиму, к государственной плановой экономике. В частности, они предлагают установить норму накопления в 30-40%, поднять нормативы амортизационных отчислений и выбытия основных фондов, повысить темпы роста прогрессивных отраслей, запретить старые технологии, создать государственные службы по внедрению новой техники, восстановить старые экономические связи, укрупнить производственные предприятия и комплексы, "повсеместно ликвидировать повременную оплату труда", принять твердые меры "по мобилизации трудовых ресурсов и их концентрации на решающих направлениях" [28, с. 88, 90, 91, 94-96]. Ясно, куда ведет этот путь. Нетрудно увидеть здесь повтор тезисов не только Сталина, но и Троцкого. Политическая демократия, рыночный механизм, эффективная экономика таким "теоретикам" не нужны. Им нужен возврат к диктатуре своей партии, к централизованному планированию, к господству государственной собственности, к старым порядкам, к "сознательному применению экономических законов социализма". Ради этого идет спекуляция на реальных трудностях российской экономической трансформации.

* * *

Необходимо признать, что строй и СМЭ показали свою неэффективность не только в нашей стране, но и в тех странах, которые также экспериментировали с ними. Этот строй и эту модель мы не только приняли, но и отказались от них в XX веке. Однако эксперимент длился более 70 лет и стоил миллионов человеческих жизней. Ресурсопожирание и экономическая неэффективность не знали предела, и только огромные природные богатства и избыточное трудоустройство долгое время спасали наше отечество от катастрофы. Она наступила лишь по прошествии десятилетий.

Нельзя не признать, что вплоть до 70-х годов советский народ не породил ни одного сколь-нибудь серьезного и влиятельного идейного протеста против большевизма. В стране вообще не было создано альтернативной марксизму или большевизму теории или концепции, способной разрушить их идеологию, показать лживость их философских, политэкономических и иных основ. А несостоятельность огромной части советской экономической науки, объективно вытекавшая из несостоятельности реального социализма и его СМЭ, не была преодолена советскими экономистами. Режим большевиков был свергнут не идеей или научной теорией, а самой практикой жизни. Тем более сегодня важно рационально и реально осмыслить наше недавнее прошлое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 7.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 422.
3. Экономика социалистической промышленности. Ч. 1. М., 1931. С. 492.
4. Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 397.
5. Троцкий Л. Немецкая революция и сталинская бюрократия. Берлин, 1932. С. 67, 107.

6. *Медведев Р.* О Сталине и сталинизме // Знамя. 1989. № 4. С. 165.
7. *Sharp M., Nelson L, Kuzes I.* Property of the People. New York, 1994. P. 21.
8. *Шаталин С.* Переход к рынку: борьба мнений. М., 1993. С. 44.
9. *Кудров В.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997.
10. *Канторович Л.* Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М., 1959.
11. *Новожилов В.* Измерение затрат и их результатов в социалистическом хозяйстве // Применение математики в экономических исследованиях. М., 1959.
12. *Певзнер Я.* Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 10. С. 30.
13. Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). 1985. № 4. С. 21.
14. Курс политической экономии. Т. II. Социализм. М., 1974. С. 131, 132.
15. *Абалкин Л.* Диалектика социалистической экономики. М., 1981. С. 3, 104.
16. *Kornai Ja.* The Socialist System. Oxford, 1992. P. 405.
17. *Шухов Н.* Хозяйственная реформа и оптимальные цены // Материалы предстоящей научной конференции "Хозяйственная реформа и проблемы оптимального планирования". М., 1967. С. 42.
18. Россия и современный мир. 1998. № 1. С. 182-206.
19. Российская экономика на новых путях. 1997. № 1. С. 12.
20. Власть. 1997. № 11. С. 6.
21. Шансы российской экономики. М., 1997. С. 605-645.
22. Социально-политический журнал. 1997. № 5. С. 192.
23. *Коптюг В., Матросов В., Левашов В., Деменко Ю.* Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии. Владивосток, 1997. С. 40.
24. *Плискевич Н.* Утопизм и прагматизм российского реформаторства // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 25.
25. Российский экономический журнал. 1998. № 1. С. 104, 105.
26. *Абалкин Л.* В тисках кризиса. М., 1994.
27. ЭПОС. 1997. №2. С. 4.
28. *Жириновский В., Симчера В.* Обречена ли экономика современной России? М., 1998.

© В. Кудров, 1999